

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽¹⁶⁾
ВЕСНА – ЛЕТО
2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	5
<i>Б.В. Норик.</i> «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН	6
<i>А.И. Колесников.</i> Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
<i>А.А. Хисматулин.</i> В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	16
<i>П.В. Башарин.</i> Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы	20

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.И. Кычанов.</i> Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
<i>Н.В. Козырева.</i> Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода <i>З.А. Юсуповой</i>)	38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (<i>Т.Ю. Евдокимова</i>)	59
Николаева О.С. (<i>В.В. Щепкин</i>)	60
Берлев О.Д. (<i>И.В. Богданов</i>)	62

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Т. Канева.</i> Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода)	64
<i>С.Р. Тохтасьев.</i> Из комментариев к Константину Багрянородному	75
<i>Е.П. Островская.</i> О предмете буддийской философии	87
<i>И.С. Гуревич.</i> Дiachронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты	97



«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.В. Богданов.* Ливанская древесина *hntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112
- М.И. Воробьева-Десятовская.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132
- С.Л. Бурмистров.* Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138
- Ю.А. Иоаннесян.* Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151
- О.К. Мехтиева.* Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Я.В. Васильков.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188
- К.М. Богданов.* Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207
- Т.А. Черная.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212
- П.П. Муратов.* Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242
- П.С. Тентюк.* Петербургская рукопись макама ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251
- С.М. Якерсон.* Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б.В. Норик.* К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268
- Е.П. Островская.* Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274
- Т.В. Ермакова.* Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

РЕЦЕНЗИИ

- В.Г. Лысенко.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278
- А.А. Непомнящий.* Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281
- Grażyna Zajac. Smutna ojczyzna i ja smutny...* Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284
- В.А. Лившиц.* Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286
- И.В. Герасимов.* История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН, 2012

IN MEMORIAM

- Юрий Ашотович Петросян 292

П.П. Муратов

**Цикл «Навстречу солнцу»:
«Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь»**

(вступительная статья и публикация текста К.Г. Маранджян)

В публикации представлены два очерка из цикла «Навстречу солнцу» известного русского искусствоведа, публициста, переводчика и эссеиста П.П. Муратова, сделанные во время его пребывания в Японии в 1933–1934 гг. для эмигрантской парижской газеты «Возрождение». Написанные великолепным русским языком статьи дают представление о европейском образе Японии, сложившемся в 30-е годы XX в.

Ключевые слова: П. Муратов, европейский взгляд на Японию, образ Японии, цикл статей, эмигрантская газета «Возрождение».

**Европейское видение Японии 30-х годов:
П. Муратов о токийской жизни**

Вниманию читателей предлагается несколько очерков известного искусствоведа, публициста, переводчика, историка и эссеиста П.П. Муратова¹, посетившего Японию в 1933–1934 гг. и написавшего серию статей, объединенных в цикл «Навстречу солнцу», для парижской эмигрантской газеты «Возрождение».

Большая часть статей этого цикла была посвящена вопросам внутренней и внешней политики Японии, вступившей на путь милитаризации и внешней агрессии. П. Муратов полностью поддерживал внешнеполитический курс Японии, видя в ней сильного лидера, способного упрочить свое главенство в Азиатском регионе. Эта часть цикла, бесспорно, может представлять большой интерес для специалистов по политической истории XX в. Однако мы предлагаем читателям познакомиться с другой частью очерков, в которых П. Муратов представляет эту таинственную и далекую страну такой, какой он ее увидел при первой встрече. До этого времени он никогда там не бывал, но интересовался восточным искусством, покупая для коллекционеров японские вещи, и в том числе, конечно, популярные среди собирателей японские гравюры. Как пишет автор монографии «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века» В. Молодяков, сложившийся в Европе образ Страны восходящего солнца, который он определяет как «сказочный» или «экзотический», основывался на японском изобразительном и прикладном искусстве. Франция была одной из первых стран, где японское искусство стало не только достоянием собирателей и коллекционеров, но и проникло в быт в виде моды. Именно искусство, собственно, и определяло представления о Японии, которая оставалась недоступной для

¹ Подробнее о П.П. Муратове см.: *Соловьев Ю.П.* Очерк жизни и творчества Павла Петровича Муратова // *Павел Муратов. Ночные мысли.* М., 2000.

большинства европейцев². Эти мифические представления о «живописной Японии» сохранились до начала XX в.

«Живописный» образ в основном основывался на модной тогда в Европе японской гравюре «укиё-э» и прочно ассоциировался с восточной экзотикой, состоявшей из стандартного набора «гейш, сакуры, самураев» и прочих элементов, во многом не утративших своего значения в массовом сознании и в наши дни. Конечно, к 30-м годам XX в. Европа уже намного лучше познакомилась с Японией, вошедшей в число крупных мировых держав, однако для большинства рядовых европейцев эта страна все еще оставалась малоизвестной и загадочной, но уже таящей опасность потенциального соперника на мировой сцене. Напомним, что в 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию и к 1932 г. завершила ее оккупацию, после чего на ее территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, а в 1932 г. Япония вышла из Лиги наций, не желая признавать незаконность своих действий в отношении Маньчжурии.

Двойственность ассоциаций, связанных с Японией, находит свое отражение и в структуре заметок П. Муратова — первые статьи цикла рисуют картины токийской жизни, своеобразный визуальный образ японской столицы, увиденной глазами европейца, в то время как вся вторая половина цикла обсуждает сугубо политические и актуальные для того времени темы.

Мне кажется, что для сегодняшнего широкого читателя не утратили своего значения именно столичные зарисовки, дающие живую картину тогдашнего Токио. Судя по тому, сколь подробно фиксирует П. Муратов увиденное им на улицах японского города, как описывает традиционные костюмы японских женщин, как старательно создает эффект виртуального присутствия читателей в пространстве японской столицы, реальность японской жизни по-прежнему воспринималась европейской читательской аудиторией как диковинная и экзотическая. Любопытно, что он с самого начала («Первые дни в Токио») описывает имперскую столицу словно с высоты птичьего полета, как бы глядя на город сверху, взяв за центральную точку императорский дворец. Для любого специалиста, хоть немного знакомого с японскими географическими картами, очевидно, что П. Муратов рисует план города по модели японской карты столицы, традиционно помещавшей в центр императорские покои. В этом смысле можно сказать, что П. Муратов переводит в слово визуальные образы Японии, полученные им из японских гравюр и иных художественных произведений. Недаром в самих очерках неоднократно упоминаются имена знаменитых японских художников, таких как Утамаро (1754–1806) или Эйдзан (1787–1867), чьи гравюры («эстампы», по выражению Муратова) обусловили его видение Японии. Ничего удивительного в этом нет. Ведь Муратов — искусствовед, и его знаменитая книга «Образы Италии», собственно говоря, и знакомила читателей с красотами Италии сквозь призму художественной культуры этой страны. Аналогичный подход просматривается и в очерках «Навстречу солнцу», где впечатления автора представлены так, словно тот описывает живописные полотна, фокусируя внимание читателей на мельчайших деталях и вновь возвращая к крупному плану картинке. В этом смысле можно сказать, что П. Муратов также рисует «живописный» образ Японии, только в его случае это не мифический образ страны, построенный на знании ее изобразительного искусства, а прозорливый и пронизательный взгляд искусствоведа, рассматривающего японскую жизнь как картинку и сравнивающего ее с реальным прототипом. К тому же очевидно, что автор основательно подготовился к поездке, почитал литературу и смог не просто фиксировать увиденное, но именно рассказать о стране и тех

² Молодяков В. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века. Москва–Токио, 1996. С. 54–56.

явлениях, которые скрывались за внешним фасадом. Сочетание искусствоведческого подхода с очень трезвым, достоверным знанием реальной стороны японской жизни делают эти очерки в высшей степени интересными и информативными.

Во-первых, современный читатель получает возможность почти фотографически увидеть жизнь японской столицы, почувствовать дух, царивший на этих улицах. Хотя в первых очерках Муратов ограничивается лишь описанием увиденного им, некоторые его замечания, как к примеру, упоминание об исчезновении всех вывесок на европейских языках, которое он объясняет «национальными течениями», вполне недвусмысленно говорят об атмосфере, царившей в тогдашнем японском обществе. В этом смысле весьма символично, что уже в первых очерках появляется имя генерала Араки Садао³, одного из ярких сторонников курса националистической политики и кумира радикального армейского крыла тех лет. В начале своей карьеры в 1912–1913 гг. он служил помощником военного атташе посольства Японии в Петербурге, позднее считался ведущим специалистом по СССР и непримиримым борцом с коммунизмом. Этот политик вызывает большие симпатии автора и еще не раз упоминается на страницах его цикла. И все же не только личное пристрастие П. Муратова объясняет столь частое упоминание имени этого политика, это была влиятельная и знаковая фигура тех лет, во многом определявшая общественные настроения.

Хотелось бы отметить и еще одно обстоятельство — нет никакого сомнения, что путешествие П. Муратова предполагало не только визуальное представление об образе далекой страны. Японская империя, вполне определенно заявившая о своих притязаниях на лидерство в Азии и явно симпатизировавшая Гитлеру и Муссолини, по-прежнему ассоциировалась с идеей «желтой опасности». Поэтому, как мне думается, Муратов так настойчиво подчеркивает «европеизированность» и «американизированность» японской жизни, словно желая показать своим читателям, что Япония уже вошла в число «цивилизованных» стран, которые будут, по его мнению, определять будущее мира.

И все же, несмотря на сомнительные политические симпатии автора, не упомянуть о которых было бы неправильно, очерки П. Муратова заслуживают нашего внимания. Это не просто путевые заметки, не только любопытный этнографический материал или информативное и адекватное описание малоизвестного нам периода жизни японской столицы, это еще и европейский взгляд на Японию 30-х годов, в котором соединились любопытство и некоторая боязнь, восторг и осторожность, в нем смешались прежние представления о «живописной Японии» и отзвуки идеи о «желтой опасности». Словом, в это время формировалось новое отношение к Японской империи, вышедшее за рамки изобразительного искусства и переместившееся в сугубо политическую плоскость. Теперь именно политика, а не внешние атрибуты повседневной жизни, столь отличные от привычных европейцу, выдвинулись на первый взгляд.

Итак, очерки П. Муратова сами являются ценным материалом для реконструкции европейского образа Японии в 30-е годы XX в. и в то же время позволяют читателям наглядно представить себе Токио почти столетней давности, когда на его улицах еще в изобилии встречались женщины, облаченные в традиционные кимоно.

И наконец, последнее. К числу бесспорных достоинств этих заметок относится блистательный стиль П. Муратова, отточенный слог, изящество и аристократизм русского языка, по-видимому уже навсегда утраченного в сегодняшней России.

Для публикации предлагаются очерки № 11 (от 9 марта 1934 г.) и № 12 (от 13 марта 1934 г.), в которых автор делится с читателями своими первыми впечатлениями.

³ Генерал Араки Садао (1877–1966) — харизматический лидер националистов и один из теоретиков политики правого крыла японской армии.

Всего в цикле 35 очерков, однако в предыдущих статьях рассказывается о долгом морском путешествии Муратова в Японию. Текст очерков публикуется без купюр, но приведен в соответствие с нормами современной орфографии русского языка и правилами транскрипции японского языка.

К.Г. Маранджян

П. Муратов
Навстречу солнцу
Первые дни в Токио

Очень нелегко описать Токио так, чтобы это дало человеку, не видевшему японской столицы, ясное понятие о ней. Огромный город и многолюдный, по пространству и населению сравнимый лишь с Лондоном и Парижем. И так же, как те две столицы, разросшийся «природно», по воле «органических процессов», а не по некоторому логическому плану. Планировку Токио сделало возможной лишь землетрясение 1923 года, разрушившее город на три четверти. Но это скорее все же лишь перепланировка, ибо основные пункты остались там, где довольно примитивно наметил их ход жизни. Новым строителям пришлось подчиниться идее города, уже данной предшествующей его историей, и эта идея не соответствует ни логической идее большого современного города, ни имеющимся налицо природным условиям.

Что касается последних, то представляет ли себе, например, кто-нибудь, что Токио стоит, собственно говоря, на море? Вернее сказать, город одной частью своей выходит прямо на Тихоокеанский залив. Но этого не ощущает даже человек, живущий в Токио, если его об этом не предупредили. Море в конце вот этой улицы (правда, довольно длинной) — но моря не видно и «не слышно». И не доберешься до него, ибо начнется по дороге район каких-то складов, железнодорожных путей, пустырей, мест вообще нежилых и «неудобных». Да и море какое-то здесь, говорят, «ненастоящее» — мелкое, переходящее в болотистую равнину. «Настоящее» море лишь в Иокогаме, и всем известно, что Иокогама — великолепный порт Токио. Но до Иокогамы все таки сорок минут езды, и в результате море в Токио кажется не ближе, чем кажется оно в Лондоне, хотя на самом деле оно где-то совсем рядом.

Нечто подобное происходит и с рекой. Живя в Токио, легко можно на нее и вовсе не попасть, течет она в кварталах хотя и очень населенных, но второстепенных, простонародных. А ведь это отличная, большая река, Сумида, и на старых японских эстампах видно, как она украшала и оживляла город лет восемьдесят тому назад.

Японская столица сложилась и развилась не «географически», а «исторически». Ядро ее — огромная усадьба, ныне императорского, а до середины прошлого века — наместнического дворца, то есть, резиденция тех сёгунов, которым несколько столетий в Японии принадлежала полная в сущности власть, тогда как за особой императора, жившего в Киото, оставался лишь авторитет религиозной и династической традиции. Усадьба императорская занимает огромную площадь как раз почти в середине столицы. Город разросся вокруг нее во все стороны приблизительно равномерно. Пространство образует почти что квадрат с продолжением сторон, не многим уступающим расстоянию от «Конкорд» до «Этуаль»⁴. Но очертания этих сторон не прямолинейны. Широкие рвы, наполненные водой, окружают царственную усадьбу, за ними поднимаются откосы высоких каменных стен. Над стенами на природном воз-

⁴ «Конкорд» и «Этуаль» — парижские площадь «Согласия» и площадь «Звезды», между которыми пролегает проспект «Елисейские поля».

вышении или на насыпной земле раскинут густой старый парк, в зелени которого мелькает то белая стена, то изогнутая по углам крыша императорских и придворных жилищ. Въезд в усадьбу через торжественный мост. Впечатление поместья, с его деревенской тишиной и «деревенским лиризмом», лежащего среди шумной современной столицы, усиливают зеркальные воды рвов, отражающие то белый павильон, то ряд плакучих ив и обитаемые не какими-нибудь ручными лебедями, а настоящими дикими утками. За охоту на этих уток во времена сёгуна полагалась смертная казнь.

И вот, если вечером обернуться в другую сторону, от старых каменных стен и тихих вод дворцового поместья, то за пространством необычайно и, вероятно, намеренно широких проспектов, где непрерывно несутся автомобили, увидишь, почти что вздрогнув от резкого контраста, длинные ряды многоэтажных бильдингов, а на них и вокруг них «море огней» — электрических, разумеется, белых, красных, зеленых — сверкающих в изобилии даже уже не европейском, а американском. Это деловой квартал контор и банков, Марунути⁵, это огни токийской станции и проходящей за ней улицы Гиндза⁶, которая представляет, по мнению японцев, все, что только может представить европейская и американская улица в смысле торговли, прогулки и увеселения.

В этот деловой квартал Марунути и на Гиндзу невольно попадает приезжий почти каждый день. Тут начинаются его первые впечатления от японской столицы. И сразу становится ясно, насколько Япония вчерашняя была под влиянием не столько Европы, сколько именно Америки и насколько она под этим влиянием «в бытовом смысле» остается и по сегодняшний день. Ибо политические симпатии и «идеологические тенденции» меняются легче, чем навыки жизни. Может быть, Америка сейчас и не «в фаворе» у японцев в силу занятия Штатами двусмысленной и малоразумной позиции на Тихом океане. Но тем не менее «европейская» кухня в Японии остается упорно чисто американской и чисто американскими остаются многие мелочи и подробности «европеизированного» обихода.

Да это и понятно! Из иностранцев в Токио, в Иокогаме, в Кобэ явное большинство — американцы. С Америкой поддерживаются самые оживленные, самые частые и самые скорые сношения при помощи паровых линий — японских, американских, канадских. А статистика торговая числит Штаты крупнейшим из иностранных торговых клиентов. На судьбе Токио отразилось, конечно, и то, что деловая и бытовая «мода на Америку» совпала как раз с годами после землетрясения, когда столицу пришлось усердно перестраивать. Далеко не все бильдинги Токио возникли после катастрофы 1923 года. Некоторые стояли до нее, но вот устояли и против подземного толчка, и главное, против пожара, опустошившего тогда целые кварталы легких японских деревянных домиков. Тем самым определился строительный тип нового и «большого» Токио.

Это Токио во многих частях все еще строится и до сих пор. Оттого на всем огромном пространстве своем являет он «черезполосицу» — то огромные здания большей части государственного или общественного значения, то маленькие лавки или гаражи, кое-как наспех сколоченные на разрушенных участках. То вовсе пустыри, ждущие предпринимателя, то благоустроенные японские дома, сохранившиеся либо восстановившиеся среди садов — больших, маленьких или совсем крохотных, «карликовых», столь милых японскому сердцу. Среди всего этого проложены улицы, очень широкие и очень длинные. Автомобили несутся по ним каждый со своей «индивидуальной» скоростью и со своим собственным отношением к правой и левой стороне,

⁵ Правильное название квартала Марунути.

⁶ В орфографии Муратова *Гинза*.

к пониманию середины улицы. Сердце парижского «ажана»⁷ перевернулось бы при виде этого зрелища. Странное исключение из общего правила, каковым является японская любовь к порядку, дисциплине и систематике. Недаром все же написал недавно один англичанин, воевавший в великую войну, переживший железнодорожную катастрофу и кораблекрушение, что истинный страх познал он впервые в токийском такси.

При такой череполоснице Токио, при протяжении улиц, усугубленном тем обстоятельством, что как раз середина города занята огромной дворцовой усадьбой, передвигаться в городе иностранцу было бы, однако, нелегко без таких такси. Стоят они, к счастью, дешево — особо большой конец — пять франков, обыкновенный же всего два с половиной, а то и полтора. Для коренных токийцев существует сеть всяких трамваев, автобусов, электрических железных дорог над землей и даже кусок начатого постройкой метро. Но иностранцу в этом разобраться нелегко, надписи буквенные заметны кое-где лишь на железной дороге. Говорят, совсем еще недавно имелись они в большом количестве повсюду: и на трамваях, и на углах улиц, и на вывесках. Но национальные течения нынешней полосы сказались поспешнее всего в том, что «чужеземные» надписи исчезли из муниципального обихода и поредели на торговых рекламках. Это сделали не одни японцы: нечто подобное было сделано, например, в Италии. Но «национальные» итальянские слова может все же как-то хоть прочесть иностранец. А чтобы понять китайские знаки, принятые в японской грамоте (и понять их не по-китайски, а по-японски), надо иметь большой запас их в своей памяти. Грамотный человек должен помнить по крайней мере три тысячи знаков. Но этому надо учиться несколько лет...

И вот иностранцу остается только махнуть рукой и нанять спасительное и рискованное такси, которое помчит его лихо, то внезапно тормозя, то вдруг прибавляя ходу, трубя на кидающегося в сторону пешехода или светя ему, если вечером, прямо в глаза такими фонарями, которые годились бы для шоссейной гонки.

Токийская жизнь

По широким проспектам, окружающим императорский дворец, и деловым, обставленным бильдингами «артериям» квартала Марунути, по торговой Гиндзе и по бесконечным улицам и улочкам, пролегающим среди жилищ и лавок японского вида, движутся обитатели Токио. В значительном большинстве это мужчины. Но и женщины отнюдь не сидят дома. Их всегда много на Гиндзе и на ее продолжениях и разветвлениях, особенно много вокруг огромных универсальных магазинов. И вот эти две весьма резко различающиеся части токийской уличной «толпы» (толпы в буквальном смысле слова на этих улицах, собственно, нет даже в часы оживления). Ибо общее впечатление от мужчин — европейское или полоевропейское — «европеизированное», во всяком случае. Женщины же, напротив, в огромном большинстве сохраняют почти что чисто японскую внешность.

Мужчин в кимоно на улице, да еще днем, совершенно не видно. Зимой верхней одеждой всегда является либо совсем европейского вида пальто, либо шинель с капюшоном, которая может сойти за европейское одеяние. Шляпа непременно европейская, башмаки тоже. Очень хорошо одетых людей немного, но людей, спокойно и привычно носящих европейское платье, — сколько угодно. Встречаются довольно часто люди в формах — солдаты в фуражках с красным околышем, студенты и учащиеся, вообще некоторые разряды служащих, надевшими форму кажутся и рабочие

⁷ Франц. *agent* — полицейский.

в синих своих куртках с какими то крупными буквами на них, указывающими предприятия.

Женщины японские не подчинились этой уравнительной волне. И вовсе не надо думать, что они «не дошли» до увлечения европейским платьем. Скорее они уже прошли через это. Вот уже лет пятьдесят, как ее манит европейская мода. Опытов в этом направлении у нее было много, и разнообразных, как разнообразен бывал образец. Но в конце концов японка вернулась к своему или при своем осталась. И очень легко понять, почему это так. Европейский костюм, особенно нынешний его «вариант», решительно не идет японским женщинам. Он как-то «не имеет на ней вида». И происходит это не оттого, что японка «не научилась его изготавливать» и носить. Тут есть нечто в природных условиях, точнее говоря — в природных пропорциях. Японские женщины маленькие, с большими сравнительно головами, с длинной талией, с редко прямыми ногами, с отсутствием «плоскостей», и с обилием «округлостей». Никак не получается при этом «модная талия»! «Модницы», одетые по-европейски очень старательно, и если внимательно к ним приглядеться, неплохо в отдельных частях туалета, имеют все-таки вид бедных парижских девиц, служащих в социальном страховании, или «учительниц», равнодушных к своей внешности.

Но ведь японские женщины как раз чрезвычайно равнодушны к своей внешности! Она очень любит наряжаться, щеголять, нравиться. В ней есть большая врожденная элегантность. Но только то элегантность не европейская, и грация не европейская. Не служит ли доказательством этого, что японка почти всегда хороша в своем японском костюме и, во всяком случае, всегда в нем «приемлема». Очень большую честь ей как женщине делает то, что она этот костюм твердо решила предпочитать, не обращая внимания на то, что непохожа она в нем на «европейку» или американку.

И вот благодаря этому украшает улицы Токио, и украшает их так, как не могло бы их украсить ничто иное. Нисколько не стесняясь своей «экзотичности», постукивает она деревянными своими сандалиями у ювелирных витрин Гиндзы, у входов в огромные магазины-базары, в бесчисленные кафе, в многочисленные кинематографы и дансинги. Несколько кимоно надето на ней, доходя ей почти до пят. Верхнее кимоно — одноцветное или двухцветное, приятных красок (таких опереточных кимоно, какие у себя дома надевают европейские дамы, в Японии никто, конечно, не носит) — отделано мехом и имеет часто вид легкого манто, надеваемого у нас на вечерние платья «для выхода». Элегантная современная японка рассталась только со своей высокой и сложной прической, напоминающей эстампы Утамаро или Эйдзана. Эту прическу можно видеть лишь в народных кварталах. Если же появляются сохранившие ее щеголихи на Гиндзе или в зале кинематографа, тогда это значит гейша, у которой такая верность старому костюму является делом профессиональной традиции. Японка, не принадлежащая к «артистическому сословию» (слово «гейша» значит артистка), не имеет нужды мучить себя трудностями старинной куафюры. Ее гладким черным волосам (всегда одного и того же оттенка) скорее идет быть причесанными гладко, а у некоторых японок очень хорошо выходит и прическа коротко подстриженных волос, на манер недавней европейской моды. Наблюдать это можно тем легче, что японка никогда не носит шляпы. На улице они всегда появляются в «прическах». И отлично делают, ибо из всех предметов европейского одеяния, труднее всего японской миловидности дается именно шляпа.

Благодаря своему костюму женщина оказывается первой бросающейся в глаза особенностью токийской жизни. Вторая такая особенность — японский дом. Токийский обитатель, проводящий первую часть дня на службе в казенном департаменте или в деловой конторе, невольно ведет «двойную жизнь», в силу того простейше-

го обстоятельства, что во второй половине дня он возвращается к себе домой. Тут он еще на пороге снимает европейские башмаки, потом сбрасывает и европейский костюм и облачается в кимоно. Потом берет горячую, как кипяток, ванну. Потом обедает и пьет сакэ, сидя на полу, и спит тоже на полу, в комнате, где нет никакой вообще мебели.

Эти японские дома и в основе своей непохожи на европейское жилище. В них есть что-то от лесного шалаша, от хижины, от «свайной» постройки. Без фундамента, но лишь на нескольких «краеугольных» камнях стоит остов дома из мягких брусев. Рамка эта забирается очень тонкими досками, почти фанерой, так получается «стена». Но стена эта целыми рамами может быть убрана прочь.

Часто бывает и так, что одна часть стены неподвижна, а другая подвижна и может быть задвинута или отодвинута, как вагонная дверь, образуя то комнату, то открытую террасу. Внутри дома перегородки забраны даже не фанерой, а картоном и могут быть сняты очень легко. Такой дом можно устроить и двухэтажным. Всегда он окружен хоть маленьким садиком. Кухня помещается в особой, более солидной пристройке.

Мне случалось не раз бывать в подобных домах у японцев и у европейцев. Дом может быть и очень изящным при всей своей простоте, в зависимости от того, как он «сработан». Очень красиво может быть подобрано отличного качества дерево. Очень нарядными часто бывают блестящие чистой полировкой полы. А если покрыты циновкой — «татами», то и это имеет очень свежий и чистый вид: циновки плетутся с большим, воспитанным веками, мастерством, по ним приятно ходить, если и утомительно сидеть, поджав ноги.

Европейцы, живущие в таких домах и часто с энтузиазмом восхваляющие их достоинства, на полу у себя дома все же не сидят. Они «комбинируют» простоту и чистоту японского убранства с некоторым минимум европейских удобств, которые дает обеденный стол, постель, хотя бы и самая низкая, и удобное кресло. Зимой, по их словам, наименее «выгодный» момент для японского дома. Но зима недолгая, зато, как только наступает весна, все раздвигается и начинается жизнь если не под открытым небом, то среди открытых стен, в которые глядят цветущие деревья и кустарники. Идиллия, по необходимости утешительная для того, кто жметя несколько месяцев у керосиновой печки, когда за «стеной», толщиной в книжный переплет, то мороз градусов в пять, то холодный дождь, а то и снег.

Жизнь в этих японских домах не только «дачная», но и «спартанская» по условиям климата, далеко все-таки не тропического. И этот «спартанский» оттенок японского обихода очень важно понять для познания страны и ее обитателей. Вечером и зимой на улицах народных или жилых кварталов прогуляться, конечно, весело. Все освещено, и освещено часто очаровательными бумажными фонариками, кажущимися нашему глазу атрибутом праздничной иллюминации. Очень красиво освещают японцы улицы и электрическими лампочками. Они заключают их в матовые стеклянные шарики и помещают очень часто. Получаются «ниточки» круглых фонариков, придающие вечерним улицам заманчивый вид вечного «народного гулянья».

Но приглядитесь к этим широко открытым (часто не имеющим спереди дверей вовсе) лавкам. Люди в них, мужчины и женщины, сидят целые дни, без всякого, конечно, намека на отопление, при температуре ноль, а то и ниже. Одеты эти сидельцы также совсем не тепло. Закал их удивителен, и он невозможен без воспитания, в этом смысле поистине спартанского. Но оно таково и не в этом только смысле. Взгляните на покупателей. Какие пустяки стоит еда, которая покупается, и каким «пустяком» кажется она для европейского глаза — какие то рыбки, сухие, копченые или совсем

сырые, да еще ракушки, крабы, даже водоросли, а то овощи, корешки. И рис, конечно, не в деревне — нечто праздничное. А ведь и «зажиточный» японец ест все в таком же роде только, правда, разборчивее и тоньше в смысле качества. Гастрономы и здесь есть, но гастрономия эта все-таки как бы «постная».

И вот это и есть общий тон всей жизни, главное — первейших ее потребностей. Дешевое и простое жилище, дешевая и простая еда, дешевая и простая одежда (для домашнего обихода). И очень немного какого бы то ни было имущества, потому что мебели может не быть почти вовсе. Кимоно и свертываемая постель прячутся за перегородки, а «сокровища» домашние — в сундук. Картина на стене («какэмоно») — и та свертывается в трубку.

Не совсем это так, разумеется, во многих состоятельных японских семействах, заводящих вперемежку со своим обиходом всякие предметы европейской обстановки. Но это так для народа, и это все-таки общий тон и общий фон жизни. На таком фоне объясним тот восточный стоицизм и аскетизм, который всегда как-то присутствовал в японской жизни, а сейчас сделался течением, «владеющим умами» молодежи, прислушивающейся к философским призывам генерала Араки...

На этом фоне смешными кажутся рассуждения европейских демократов, сокрушающихся по поводу скудного уровня японской заработной платы. Да, этот уровень, конечно, невысок, и не богат японский рабочий, как небогат японский крестьянин, маленький торговец, маленький служащий. Но бедны все они на фоне бедной страны, бедность свою, однако, содержащей в большом порядке, в чистоте, и создавшей даже соответствующий этой бедности весь свой жизненный обиход. Европейец соединяет с бедностью понятие о «лишениях». Бедны в Японии многие, но едва ли есть еще на свете страна, которая в целом так же мало ощущала бы свою бедность и была бы так же нечувствительна к «лишению» и к «приобретению».

Summary

P.P. Muratov

The Cycle “Towards the Sun”: “First Days in Tokyo” and “Tokyo Life”

(Publication and Introduction by K. Marandjian)

The publication introduces to the readers two essays from the cycle “Towards the Sun” written by the famous Russian art critic, journalist and historian Pavel Muratov during his trip to Japan in 1933–1934 for the Russian emigrant newspaper *Vozrozhdenie* (Paris). The essays — “First Days in Tokyo” and “Tokyo Life” — provide readers with a vivid and picturesque image of the Japanese capital of the 1930s.